

ЗИНДЕР Л. Р., КАСЕВИЧ В. Б.

ФОНЕМА И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. В настоящее время центр тяжести в лингвистических исследованиях закономерно сместился в сторону семантики, прагматики, изучения текста. Вместе с тем из признания закономерности такого изменения приоритетов отнюдь не следует, что другие аспекты языка и речевой деятельности — и, в частности, фонологический — уже получили в науке вполне удовлетворительное освещение, что можно говорить об основополагающих теоретических представлениях, принятых большинством специалистов, и т. п. Что касается фонологии, то именно в этой области продолжается бурный процесс возникновения и развития новых концепций и школ — достаточно вспомнить натуральную фонологию [1, 2], натуральную порождающую фонологию [3], аутоsegmentную фонологию [4], лексическую фонологию [5, 6]; существуют и попытки совместить, синтезировать в рамках единого подхода некоторые из концепций последних 10—15 лет [7].

Мы не ставим своей задачей анализ современного состояния фонологии. Более того, упоминание тех или иных из существующих фонологических концепций будет носить в нашей статье скорее попутный характер. Мы хотим лишь кратко обрисовать свое понимание объекта теории, который всегда стоял в центре фонологических штудий, — фонемы. Дело в том, что, как показывает знакомство с современной литературой, в термин «фонема» разные авторы вкладывают неодинаковое содержание, одновременно молчаливо исходя из того, что фонема есть нечто самоочевидное. Немало и исследователей — главным образом среди специалистов в области психолингвистики, автоматического анализа и синтеза речи, — которые вообще отрицают адекватность, полезность понятия фонемы. Продолжается полемика и вокруг соотношения фонологии и фонетики в узком смысле слова. Все это вызывает необходимость вернуться еще раз к рассмотрению некоторых кардинальных положений науки о звуковой стороне языка и речевой деятельности.

2. Начнем с определения фонемы, с которым, видимо, согласится большинство лингвистов: фонема есть минимальная линейная единица плана выражения. Важно, какое толкование получают компоненты приведенной дефиниции. Что касается минимальности фонемы, то она проявляется тройным образом.

2.1. Фонема — необходимый и достаточный звуковой минимум для конституирования морфемы, точнее, экспонента последней. Именно это и имел в виду Л. В. Щерба, говоря о потенциальной соотносительности фонемы со смыслом [8]: некоторое «звучание» приобретает статус языковой единицы в силу того, что оно «само по себе» способно выступать в качестве материальной оболочки знаковой единицы — морфемы. Иначе говоря, фонемный статус определяется функциональным. Коль скоро фонемы су-

ществуют именно для того, чтобы служить строительным материалом для языковых знаков (их экспонентов), мельчайшими среди которых являются морфемы, то и фонемная самостоятельность непосредственно определяется морфемной. Когда представители современной натуральной фонологии говорят, что «две главные функции сегментной фонологии — это сделать язык произносимым и восприимчивым» [2, с. 32], то и в этом утверждении мы видим апеллирование к аналогичным функциональным признакам, но только без необходимых уточнений.

Оговоримся, что способность выступать в качестве экспонента морфемы не следует понимать как операциональный критерий. Если некоторый сегмент выступает как экспонент морфемы, то из этого вытекает, что он включает не менее одной фонемы. Неспособность самостоятельно выполнять указанную функцию еще ни о чем не говорит: случайности исторического развития могут налагать самые разные ограничения на употребимость в данном языке однофонемных морфем. Важна принципиальная возможность для фонемы как таковой служить конститутивным минимумом по отношению к морфеме.

2.2. Фонема является тем минимумом, от которого можно «дойти» в процессе функциональной сегментации языковой единицы. Это — другой аспект того же функционального подхода. Как сам фонемный статус зависит от конститутивных потенций, так и линейная выделяемость фонемы в составе морфемного экспонента обусловлена мотивированностью ее границ морфологическими границами. Действительно, если фонема — минимальная единица плана выражения, конечная составляющая применительно к морфемным экспонентам, то у нее не может быть частей, которые оказывались бы в составе разных соседних морфем, т. е. разрывались бы морфологической границей. Еще точнее — у фонемы вообще не может быть линейно вычленимых частей, оправдываемых функционально.

Наличие морфологической границы абсолютно недвусмысленно свидетельствует о бифонематичности, хотя ее отсутствие — не только в экспоненте данной морфемы, но и вообще в последовательности данного типа — еще не говорит о монофонематичности (подробнее см. [9, с. 17—33]). Для нас, впрочем, сейчас важны не проблемы фонологической сегментации как таковой, но лишь то, какой смысл следует вкладывать в положение о минимальности фонемы. Чтобы прояснить свою позицию, добавим, однако, что в вопросах, связанных с сегментацией, нужно различать несколько аспектов. Прежде всего, конечно, ясно, что фонологическая сегментация — это никак не установление временных границ в акустическом сигнале. Такая сегментация устанавливает лишь число фонем в данной последовательности. Необходимость сегментации с этой точки зрения диктуется потребностями фонологического лингвистического анализа, в задачи которого входит выяснение фонемного инвентаря языка. Правда, далеко не все фонологические школы признавали фундаментальную роль процедур сегментации, считая их скорее частной проблемой (ср., например [10]). Между тем принцип сегментации отнюдь не носит локального характера. Если фонологическая концепция не включает представлений о том, какие звуковые последовательности должны трактоваться в качестве поли-/монофонемных, то она очевидным и существенным образом неполна. Ведь без соответствующего теоретического и процедурного аппарата фонолог не в состоянии обосновать предлагаемые решения, не может, например, доказать, что в парадigmatике данного языка есть фонема /aʊ/, а в синтагматике отсутствует внутрислоговое сочетание /aw/ или же наоборот.

Сегментация, которую лингвист устанавливает методами функционального анализа, конечно, имеет подлинную ценность тогда, когда она адекватна языковой компетенции (интуиции) говорящего/слушающего (как выявить последнюю — отдельная проблема). Но одновременно следует ясно сознавать различие ситуаций, в которых возникает проблема фонологической сегментации. Для лингвиста, занимающегося выяснением языковой системы (равным образом и для ребенка, усваивающего язык), способ сегментации должен быть установлен однозначно применительно к любой из разрешенных в языке звуковых последовательностей — ведь от этого зависит окончательный вид, который примет выявляемая система фонем. Однако для человека, в полной мере владеющего системой языка, уже не существует абсолютной необходимости фонологической сегментации в качестве предварительного условия успешного восприятия речи: понимание звучащего текста не требует обязательного текущего сегментирования и вообще «сплошного» фонологического анализа (подробнее см. ниже).

Итак, фонема выступает не только как конститутивный, но и как сегментивный минимум.

2.3. Наконец, фонему можно рассматривать и как *л о к о м о ц и о н н ы й* минимум: фонемы — минимальные линейные единицы, в терминах которых могут описываться трансформации слогов и/или морфем, реализующиеся как перемещения (опущения) звуковых последовательностей. Ясно, что если наблюдается переход наподобие *сок* → *со-ка*, где меняется слоговая отнесенность *к*, или *Брянск* → *брянцы*, где усечению подвергается *ск*, то такие процессы затрагивают по меньшей мере одну фонему. Таким образом, минимальность фонемы состоит в том, что она выступает одновременно как конститутивный, сегментивный и локомоционный минимум.

3. Обратимся теперь к *линейности* фонемы. Речь разворачивается во времени и в этом смысле характеризуется линейностью. Для фонем как линейных единиц существенно отношение порядка, т. е. следования / предшествования (ср., например, *псарь* ~ *спарь*).

Линейность и минимальность тесно связаны. Все обсуждавшиеся выше аспекты («виды») минимальности относились к функциям фонемы как линейной единицы. Лишь одна функция фонемы — дистинктивная, выступающая следствием конститутивной, — не требует линейности. Для различения двух фонем и, соответственно, двух морфем достаточно «замены» одного дифференциального признака. Из этого, однако, не следует, как иногда полагают, что дифференциальный признак в таких случаях и является экспонентом морфемы. Морфема — также линейная единица (возможно, уже само понятие единицы предполагает линейность). Средством передачи значений в соотношениях наподобие рум. /*lup*/ «волк» ~ /*lup'*/ «волки» служит чередование фонем, различающихся одним дифференциальным признаком (разумеется, возможно и расхождение большего числа признаков).

Из признания линейности фонемы вытекает неприемлемость ее сведения к пучку (набору) дифференциальных признаков. Дифференциальные признаки нелинейны, для них недействительно отношение порядка¹:

¹ Р. Якобсон и Л. Во, признавая simultaneity дифференциальных признаков, считают возможным устанавливать фонемную сегментацию с опорой на признаки: «...сегментация [звуковой] цепочки на последовательность признаков позволяет ее [звуковой] цепочки. — З. Л., К. В.] дальнейшую сегментацию на фонемы» [11]. Однако обосновывается это тем, что всегда сохраняется порядок следования комплексов

невозможно утверждать, что, скажем, смычность предшествует сонорности или наоборот; с фонологической точки зрения все дифференциальные признаки фонемы реализуются одновременно².

Отсюда следует, в свою очередь, что фонема, «составленная» из дифференциальных признаков, была бы столь же нелинейной. В этом случае невозможно объяснить переход от принципиально нелинейной фонемы (= пучка дифференциальных признаков) к принципиально линейной морфеме, хотя именно такой переход должна обеспечивать центральная функция фонемы — конститутивная [9].

Отрицание фонемы, которая была бы тождественной набору дифференциальных признаков, разумеется, не означает отрицания самих дифференциальных признаков и их роли в фонологической системе языка. Именно дифференциальные признаки превращают инвентарь фонем в систему, именно закономерности распределения фонем по подсистемам в соответствии с их дифференциальными признаками в значительной степени объясняют происходящие в фонологии диахронические сдвиги и т. д.

4. Лингвист — а равным образом и ребенок, усваивающий язык, — «приходит» к фонемам исследуемого языка, абстрагируя их от существующих в языке морфем, которые, в свою очередь, абстрагируются от слов; слова таким же образом лингвист получает в отвлечении от высказываний, а высказывания — в отвлечении от текстов. Такая теснейшая «привязанность» фонем к значимым единицам приводит к важнейшим следствиям. Значение нематериально, поэтому тождественность/нетождественность значимых единиц — морфем — может реализоваться и поддерживаться, казалось бы, только за счет тождественности/нетождественности их экспонентов. Последние представлены фонемными цепочками, а это приводит к мысли, что одна и та же морфема должна всегда иметь экспонент, включающий постоянный набор фонем. Возникает известный в лингвистике тезис «одна морфема — одна фонема».

В рассуждениях подобного рода безусловно верно распространение функционального подхода на область парадигматики: подобно тому, как выделение фонологически минимальных сегментов лингвист производит с опорой на функциональные, морфологические критерии, отождествление полученных указанным способом сегментов — «сведение (алло)фонов в фонемы» — равным образом основывается на их функциях.

В то же время абсолютизировать взаимнооднозначность морфологического (морфемного) и фонологического (фонемного) тождества нельзя. Дело в том, что, кроме соотношения означающего и означаемого, знак характеризуется также синтактикой и прагматикой. Иначе говоря, реализация тождественности/нетождественности знака и, в частности, морфемы может обеспечиваться не только одинаковыми/разными означающими (экспонентами), но и различными синтагматическими, комбинаторными потенциями, вхождением в разные фрагменты системы, разным использованием в соответствии с актуальным выбором, который осуществляет носитель языка. Отсюда достаточно широкие возможности фонологической вариативности, синонимии и омонимии морфем. Вряд ли есть линг-

дифференциальных признаков по их ассоциированности с «минимальными сегментами цепочки». Что понимать под последними — не поясняется; если реально имеются в виду корреляты фонем, то рассуждение совершает порочный круг.

² На нелинейности дифференциальных признаков, их связанность в рамках фонем указывают и материалы речевых ошибок: в абсолютном большинстве случаев ошибки заключаются в перестановке согласных или гласных, а не их дифференциальных признаков [12].

висты, которые не признают синонимии слов, предложений (высказываний), но ведь, скажем, английские показатели множественного числа существительных *-s* и *-en* — тоже синонимы, а */-s/*, */-z/*, */-iz/* соотносятся как варианты, алломорфы, приуроченные к разным контекстам.

Как только мы лишаем тезис «одна морфема — одна фонема» его абсолютного прочтения, становится ясно, что существуют разные градации звуковых изменений экспонента морфемы: собственно фонетическое варьирование, ср. [čilav'ek] ~ [čilav'ek^h] (*человеку*), живое (автоматическое) фонологическое, ср. [čilav'ek'] (шутл. *человеки*), историческое фонологическое, ср. [čilav'eč] (*человечек* и т. п.), супплетивное, ср. /'ud'/ (*люди*), где налицо уже синонимия. Остается определить, где граница в этой последовательности, которая отделяла бы область фонологических вариантов морфемы и, отсюда, область вариантов фонемы. Как известно, школа Щербы (в одной из существующих редакций) решает этот вопрос так: вариантами, аллофонами одной фонемы являются фоны, которые в составе морфемы всегда взаимозаменяемы внеконтекстно или, наоборот, как следствие изменения контекста.

4.1. «Невстречаемость» фонем вне знаковых единиц имеет и другое, более частное следствие. Поскольку и у лингвиста, и у человека, стихийно усваивающего язык, нет иного источника установления фонем, кроме словаря, с которым он реально имеет дело, то состав фонем прямо зависит от состава словаря. С этой точки зрения пресловутая проблема фонемы /ы/ в русском языке, как неоднократно отмечалось [13], никак не связана с различиями в подходах той или иной школы: если есть в словаре слова, где /ы/ находится в независимой позиции, т. е. не всегда подлежит замене в составе того же алломорфа при изменении контекста, то существует в системе и самостоятельная фонема /ы/; если таких слов нет, то нет и оснований говорить о фонеме /ы/ [9, с. 54]. Другое дело, что «предрасположенность» к появлению такой фонемы реальна и вне зависимости от состава словаря: [ы] и [и] в большинстве контекстов соотносятся так же, как [а] и [æ] и т. п., однако в то же время основным вариантом выступает [а], а не [æ], именно [а], а не [æ] в большей степени независим от контекста. В результате возникает тенденция к возникновению единицы, которая, относясь к [и] так же, как [а] к [æ], [е] к [е] и т. д., была бы способна, подобно первым членам указанных пар, занимать независимую позицию. Надо заметить, конечно, что утверждение [ы] в ранге фонемы не устраняет асимметрии, т. к. [и], дистрибутивно и фонетически параллельный, как сказано, [æ], [е], выступает в качестве фонемы /и/, в то время как [æ], [е] не составляют отдельных фонем, будучи вариантами /а/, /е/ соответственно. По существу, именно эту особенность /ы/ имел в виду Бодуэн, говоря о ее «нестабильности».

4.2. Еще одно следствие тесной связи фонем со значащими единицами заключается в том, что уже экспоненты элементарных знаков — морфем — несводимы к цепочкам фонем (даже если отвлечься от слоговой структуры и просодических характеристик, что мы оставляем в стороне). Иначе говоря, специфичность экспонента не определяется полностью его фонемным составом. Можно выделить три самостоятельных аспекта указанного обстоятельства.

4.2.1. Как известно, не все правила, которым подчиняются фонемные последовательности, определяются в фонологических терминах. Абсолютно тождественные цепочки фонем ведут себя по-разному в неодинаковых морфологических и лексических контекстах (ср. хрестоматийные примеры наподобие *sing + er → singer* /sɪŋə/, но *long + er → longer* /lɒŋɡə/).

Отсюда, главным образом, и вытекает необходимость морфологии наряду с фонологией. Различие между ними понимается разными школами по-разному, а некоторыми не принимается вовсе. Уже Э. Сепир писал: «Если бы даже английский был бесписьменным языком, парадигматически (configuratively) обусловленное фонологическое различие между такими дублетами, как *saved* и *soared*, все-таки „слышалось“ бы в качестве коллективной иллюзии, принимаясь за подлинное фонетическое различие» [14].

Здесь знаменательно упоминание письменности. Действительно, написание тоже сказывается на том, как носитель языка воспринимает языковые единицы. Л. В. Щерба писал о «неразрывном единстве», которое образуют «два ряда образов — зрительный и слуховой» [15]. Исследователи звукосимволизма утверждают, что определенные эмоционально-смысловые ассоциации связаны в типичном случае не столько со «звуками», сколько со «звукобуквами» [16]. Но ведь из тесного взаимодействия и даже «смешивания» разных сторон знака не следует, что последние не существуют в качестве относительно самостоятельных, автономных аспектов. Недавно М. Халле предложил в качестве образа, соответствующего знаку, проволочную спираль, которая соединяет листки тетради или записной книжки: листки символизируют своего рода файлы однотипной информации, относящейся к знаку — словарной единице (фонемный состав, просодические характеристики, морфологические, синтаксические свойства и т. п.) [7]. Образ остроумен и довольно выразителен, он передает именно как автономию, так и связанность разных сторон знака (хотя ему недостает отражения их сложных взаимоотношений и взаимозависимостей, вплоть до интерференции).

4.2.2. Менее исследована несводимость экспонента к сумме фонем, которая проявляется в реальности фонетического облика слова. Это понятие, введенное С. Н. Бернштейном [17], помогает, в частности, объяснить некоторые диахронические сдвиги, которые иначе остаются загадочными. Примером могут служить в сущности любые виды фонологизации аллофонов наподобие возникновения германского умлаута: исчезновение контекста, обуславливающего появление данного аллофона (ср. ср.-в.-нем. *schoene* < др.-в.-нем. *scōni*), здесь не приводит, как ожидалось бы, к замене самого аллофона — напротив, последний не только удерживается, но и «повышается в ранге», становится самостоятельной фонемой. Можно думать, что для сохранения фонетического облика слова может быть релевантной и аллофоничная структура экспонента. При (некоторых) диахронических изменениях, соответственно, остается постоянным именно фонетический облик слова, хотя фонологический статус части его компонентов изменяется [13]. Делалась также попытка ввести в понятие фонетического облика слова представление о просодиях примерно в том значении, которое придается этому термину Лондонской школой просодического анализа: в этом случае предлагается считать, что, скажем, «палатальность» в гот. *fulljan* — аллофоническая для [y] и фонологическая для [j] — выступает как признак (просодия) слова в целом, поэтому она и удерживается в /y/, фонологизируясь, несмотря на падение [j], служившего каузальным контекстом (ср. совр. нем. *fällen* [18]).

4.2.3. Возможно, наиболее интересен аспект, связанный с тем, что в процессах восприятия речи слово и другие сложные знаки также, по-видимому, фигурируют как некоторые целостные объекты; в частности, их экспоненты и здесь не выступают как простые совокупности, «суммы» соответствующих фонем.

Обращение к словам как оперативным единицам восприятия речи (ниже мы будем говорить преимущественно о словах, на материале которых вопрос относительно лучше изучен) объясняется по крайней мере тремя взаимосвязанными причинами. Во-первых, для исключительно фонемного восприятия недостаточна разрешающая способность слухового анализатора человека: при необходимости постоянно осуществлять текущее перекодирование поступающего акустического сигнала в цепочку фонем слуховой анализатор должен перерабатывать слишком большое количество информации в единицу времени [19]. Во-вторых, значительная часть акустических сегментов «нормальной» речи характеризуется неполным типом произнесения [20]; их объективных характеристик просто недостаточно для того, чтобы дать им фонемную интерпретацию. Наконец, в-третьих, человеку вообще свойственна тенденция к укрупнению единиц и признаков в процессах восприятия, т. к. это повышает быстроту действия соответствующих механизмов, существенную с приспособительной точки зрения.

В указанных условиях слушающий, пользуясь признаками слова как целостной единицы, относит его к некоторому классу. В информационно насыщенной среде, обычной для речевого общения, идентификации слова с точностью до некоторого класса обычно достаточно: к тому моменту, когда появляется необходимость в распознавании данного слова, возможности выбора уже значительно сужены предтекстом, ситуацией, опытом и установкой слушающего. Если же выбор шире класса, с точностью до которого можно опознать слово как целое, то человек пускает в ход имеющиеся в его распоряжении стратегии более детального анализа звукового облика слова, устанавливая фонемный состав экспонента или его часть, достаточную для успешного распознавания.

Следует подчеркнуть, что идентификация фонем, входящих в экспонент слова, — необходимый компонент любых стратегий восприятия речи. Различны лишь пути, которыми достигается данный результат. В одном случае фонемный состав экспонента становится известным просто в силу того, что опознается — «угадывается» — слово благодаря опоре на его обобщенные признаки и использованию эвристических процедур: коль скоро слово не существует вне своей фонемной оболочки, то его распознавание, т. е. соотнесение с единицей словаря, есть одновременно установление фонемного экспонента. В другом случае фонемы экспонента устанавливаются в результате непосредственного анализа — тоже активного и направляемого некоторым смысловым заданием, — который прилагается к фонетической картине, «поставляемой» в распоряжение перцептивных процессов периферическими механизмами. Как правило, субъективного различия между двумя путями определения фонемного облика слов не существует.

5. В связи со сказанным нужно хотя бы очень кратко остановиться на следующих вопросах: соотношение обобщенных признаков (например, слов) и дифференциальных признаков фонем, соотношение дифференциальных признаков и их коррелятов.

Весь комплекс признаков слова как целостной единицы не изучен еще достаточным образом на материале какого бы то ни было языка (даже сама постановка вопроса не всеми признается законной). Часть их, однако, давно известна: это длина слова в слогах, акцентный или тональный контур, сингармоническая модель, консонантный «скелет» слова, обладающий особой информативностью. Последнее показывает, что в качестве признаков слова могут выступать особым образом организованные,

частично реинтерпретированные дифференциальные признаки фонем. Здесь мы опять приходим к целесообразности использования понятия просодий, разработанного Лондонской школой. По-видимому, наряду с более или менее стандартным набором просодий, упомянутых выше — как просодического характера в традиционном смысле термина, так и сегментной природы, — эвристические процедуры речевосприятия могут опираться на любые доступные признаки, которые в данном конкретном случае оказываются полезными.

Говоря о дифференциальных признаках фонемы, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что это — категория достаточно высокой степени абстракции. Когда, например, индологическая традиция вслед за древнеиндийской утверждает, что /t/, /d/, /n/ и т. д. единообразно противопоставлены /t/, /d/, /n/ и т. д. как простые — церебральным (букв. «мозговым»), то собственно лингвистический и даже, пожалуй, психолингвистический вопрос решается адекватно (остается лишь спорить об уместности термина). Ведь здесь верно определены ряды оппозитивных фонем, установлено, что в основе противопоставленности каждой пары лежит один и тот же признак. Акустико-артикулярные корреляты признака — отдельная проблема. Причем даже эти корреляты не следовало бы отождествлять с рецепторными (сенсорными) «чувственными впечатлениями», поскольку «непосредственные следы внешних воздействий на органы чувств еще не являются знанием или его самостоятельным элементом» [21]. В процессе речевосприятия корреляты дифференциальных признаков тоже в известном смысле «строятся» в результате активного поиска, одновременно перекодируясь в дифференциальные признаки.

6. Итак, обобщенные признаки слов (и других значимых единиц) сосуществуют с дифференциальными признаками фонем, особым образом с ними взаимодействуя. Нет каких бы то ни было оснований сомневаться в реальности фонем и самостоятельного фонемного кода. Реальность фонем подвергают сомнению, выдвигая обоснования тройкого рода: фонем нет — есть морфемы (порождающая фонология); фонем нет — есть пучки дифференциальных признаков (также порождающая фонология и некоторые другие направления); фонем нет — есть признаки слов (или слогов), в терминах которых реально осуществляется восприятие речи [22]. В последнем случае для фонем обычно делается «уступка»: их необходимость признается постольку, поскольку фонемы — удобный «алфавит» для записи единиц словаря и/или результат дискретизации, вызываемой применением письменности и транскрипции [22—24].

Нам представляется, что изложенное выше показывает истоки такого рода концепций и одновременно их неосновательность. Фонемы — действительно наиболее удобный «алфавит» (код) для хранения в словаре языковых единиц. В связи с этим возникает объективное противоречие, которое можно было бы назвать парадоксом фонологического кодирования. С одной стороны, как сказано, фонемный код — самый экономный для записи и хранения словарных единиц, в силу чего последние просто не существуют без своих фонемных «оболочек». С другой стороны, в процессах восприятия речи тот же код оказывается наименее экономным, а в значительной части случаев даже неприменимым в силу ограниченности разрешающей способности слухового анализатора и несовершенства акустического речевого сигнала. Парадокс находит свое разрешение в том, что в процессах восприятия речи преимущественно используются «надфонемные» коды, а фонемная запись выступает как своего рода побочный продукт распознавания, обеспеченного в большой сте-

пени «в обход» фонем. Тем не менее фонемный код, пусть с перцептивной точки зрения недостаточно эффективный и экономный, остается принципиально доступным и необходимым, ибо в противном случае и языковая система, и перцептивные механизмы лишаются абсолютно необходимого свойства открытости: не имея возможности прибегать к фонемному коду, человек не смог бы воспринимать новые и вообще мало предсказуемые языковые единицы.

Фонемы — материальный фундамент языка, без которого его существование и функционирование немислимо.

7. В то же время данное утверждение теряет силу за пределами материала фонемных, или неслоговых, языков. Дело в том, что в слоговых языках — китайском, вьетнамском, бирманском и целом ряде других — просто нет звуковой единицы, которая одновременно обладала бы всеми тремя «минимальностями», придающими звуковой единице ранг фонемы. В слоговых языках конститутивным минимумом выступает слог, сегментативным — своего рода непосредственно составляющие в его составе, инициаль и финаль, а звуковой единицы, которая проявляла бы свойства локомоционного минимума по отношению к слогу, здесь не существует вообще (подробнее см. [9]).

Однако указанная специфика слоговых языков с интересующей нас точки зрения сказывается лишь на том, что вместо одной звуковой единицы, одновременно минимальной в разных отношениях, слоговые языки выстраивают некоторую иерархию единиц, каждая из которых, так сказать, минимальна по-своему. Все же положения относительно сосуществования и взаимодействия фонологических кодов, разумеется, сохраняют силу и для слоговых языков.

Как можно видеть, фонологическая специфика слоговых языков определяется их грамматическими особенностями. Это лишний раз показывает, что системность языка всегда проявляется в двух противоположных тенденциях: в автономности разных аспектов и их взаимозависимости. Только учет обеих тенденций позволяет получить адекватное описание языка и его функционирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Stampe D.* A dissertation on natural phonology. Garland, 1980.
2. *Dressler W. U.* Explaining natural phonology // *Phonology yearbook*. I. Cambridge, 1984.
3. *Hooper J. B.* An introduction to natural generative phonology. N. Y., 1976.
4. *Goldsmith J.* The aims of autosegmental phonology // *Current approaches to phonological theory* / Ed. by Dinnsen D. A. Bloomington; London, 1979.
5. *Mohanan K. P.* Lexical phonology. Bloomington, 1982.
6. *Kiparsky P.* From cyclic phonology to lexical phonology // *The structure of phonological representations*. V. 1 / Ed. by van der Hulst H. and Smith N. Dordrecht, 1982.
7. *Halle M.* Speculations about the representation of words in memory // *Phonetic linguistics: Essays in honor of Peter Ladefoged* / Ed. by Fromkin V. Orlando, 1985.
8. *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка. М., 1957.
9. *Касевич В. Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
10. *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970. С. 109.
11. *Jakobson R., Waugh L. R.* The sound shape of language. Bloomington; London, 1979. P. 26.
12. *Fowler C. A.* Reply to commentators // *Journal of phonetics*. 1986. V. 14. № 1. P. 165.
13. *Зиндер Л. П.* Общая фонетика. М., 1979.
14. *Sapir E.* The psychological reality of phonemes // *Phonological theory: Evolution and current practice* / Ed. by Makkai V. P. N. Y., 1972. P. 27.

15. *Шерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 166.
16. *Журавлев А. П.* Звук и смысл. М., 1981.
17. *Бернштейн С. И.* Вопросы обучения произношению. М., 1937. С. 25.
18. *Касевич В. Б.* О фонетике и фонологии слова // Морфемика: Принципы и методы системного описания / Отв. ред. Герд А. С. и Бондарко Л. В. Л., 1987.
19. *Либерман А. М. и др.* Некоторые замечания относительно эффективности звуков речи // Исследование речи. Новосибирск, 1967.
20. *Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б.* Стили произношения и типы произнесения // ВЯ. 1974. № 2.
21. *Смирнов С. Д.* Психология образа: Проблема активности психического отражения. М., 1985. С. 136.
22. *Warren R. M.* Auditory perception and speech evolution // Origins and evolution of language and speech / Ed. by Harnard S. R. e. a., N. Y., 1976.
23. *Lütke H.* Die Alphabetschrift und das Problem der Lautsegmentierung // Phonetica. 1969. V. 20. № 1.
24. *Marcel T.* Phonological awareness and phonological representations: Investigation of a specific spelling problem // Cognitive processes in spelling. L., 1980.